

Русский язык в сфере государственной службы: проблемы освоения и употребления заимствованной лексики

Семенова Г. П.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; spb.gsem@mail.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена трудностям освоения и ошибкам употребления иноязычных слов в устной и письменной деловой (служебной) коммуникации на русском языке. Актуальность темы объясняется особой речевой ответственностью представителей социально значимых профессий, использующих русский язык как государственный, а также проблемами, возникающими при исполнении положений Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации» с изменениями от 28 февраля 2023 г. В статье обосновывается тезис о необходимости при употреблении заимствованных слов учитывать не только отсутствие русских аналогов, но и другие факторы. Большое значение для сбора языкового материала имел опыт работы автора на факультете дополнительного образования в Северо-Западном институте управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, в органах исполнительной власти Санкт-Петербурга и Северо-Запада России, в Межрегиональном ресурсном центре при Администрации Губернатора СПб. Теоретические методы (анализ, синтез, историзм) позволили выявить субъективные и объективные трудности освоения, типичные ошибки употребления заимствованных слов, а также актуализировать способы их преодоления, что может иметь практическое значение для осознанного исполнения указанного закона и совершенствования культуры русской деловой (служебной) речи.

Ключевые слова: Федеральный закон о русском языке, социальная коммуникация, официально-деловой (служебный) язык, семантика, иноязычная лексика

Для цитирования: Семенова Г. П. Русский язык в сфере государственной службы: проблемы освоения и употребления заимствованной лексики // Управленческое консультирование. 2024. № 5. С. 184–196.

Russian Language in the Field of Civil Service: Problems of Development and Using Borrowed Vocabulary

Galina P. Semenova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint Petersburg, Russian Federation; spb.gsem@mail.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the difficulties of mastering and errors in the use of foreign words in oral and written business (office) communication in Russian. The relevance of this topic is explained by the special speech responsibility of representatives of socially significant professions who use Russian as the state language, as well problems arising in the implementation as of the provisions of the Federal Law "On the State Language of the Russian Federation" as amended on February 28, 2023. The article substantiates the thesis about the need to take into account not only the lack of Russian analogues, but also other factors when using borrowed words. Of great importance for collecting language material was the author's many

years of work experience at the Faculty of Additional Education at the North-Western Academy of Public Administration (now the North-Western Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation), in the executive authorities of Saint Petersburg and North-West Russia, in the Interregional Resource Center under the Administration of the Governor of Saint Petersburg. Theoretical methods (analysis, synthesis, historicism) made it possible to identify subjective and objective difficulties in mastering, typical errors in the use of borrowed words, as well as update ways to overcome them, which can be of practical importance for the conscious implementation of this law and improving the culture of Russian business (official) speech.

Keywords: Federal Law on the Russian Language, social communication, official business (service) language, semantics, borrowed vocabulary

For citing: Semenova G. P. Russian Language in the Field of Civil Service: Problems of Development and Using Borrowed Vocabulary// Administrative consulting. 2024. N 5. P. 184–196.

*Апробация — это душенька моя светлая,
а бордюр — совсем наоборот.*

Из романа М. А. Шолохова «Поднятая целина»

«А нуте-ка, сунься теперь с русской фразой — беда. Вся речь пересыпана словами с иностранным, туманным значением. От этого затрудняется речь, нарушается дыхание и треплются нервы», — возмущался обыватель из рассказа М. Зощенко «Обезьяний язык» (1925). В конце XX в. бум лексических заимствований происходил уже на фоне всеобщего среднего образования с изучением английского языка как основного иностранного, при этом был настолько чрезмерным, что стал одной из причин для принятия Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации» (2005) с последними изменениями от 28 февраля 2023 г.¹ Законом предписывается, что в сферах использования русского языка как государственного — в государственном и муниципальном управлении, судопроизводстве, образовании, СМИ, рекламе, информации для потребителей, а также в официальных устных и письменных коммуникациях организаций всех форм собственности — «не допускается употребление слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка (в том числе нецензурной брани), за исключением иностранных слов, которые не имеют общеупотребительных аналогов в русском языке».

Неполнота формулировки сделала этот пункт закона мишенью для критики, породив сомнения в эффективности «запретительных по своему содержанию действий без учета внутренних законов сложной знаковой системы» [13, с. 118]. Если следовать положению закона, то слова *президент, администрация, муниципальный* и др. тоже должны заменяться в официальных текстах русскими аналогами: *глава, управление, городской (сельский)*. Вряд ли составители закона имели в виду что-либо подобное, но очевидно, что «недостаточное владение авторами судьбоносных документов ясным и точным деловым языком приводит к серьезным проблемам при исполнении таких документов, а зачастую исключает всякую возможность этого исполнения» [18, с. 199]. Попробуем без издержек «полемиического задора» разобраться в проблеме с учетом принципа историзма и тенденций развития русского языка.

Давно признано, что лексические заимствования — **один из факторов развития любого языка**. Поэтому и лексика русского языка неоднородна по происхождению.

¹ О внесении изменений в ФЗ «О государственном языке Российской Федерации»: федер. закон Рос. Федерации от 28 февраля 2023 г. № 52-ФЗ / Собр. законодательства Рос. Федерации. 6 марта 2023 г. № 10. Ст. 1575.

Слова *застава, рать, узы, урок* — древнерусские; *книга, работа, родина, учитель* — общеславянские. Слова *икона, история, политика, школа* — греческие, а *вариант, норма, республика, фабрика* — латинские. Слова *валюта, газета, мафия* пришли из итальянского языка; *волонтер, метро, портфель* — из французского; *буксир, трасса, шахта* — из немецкого; *верфь, матрос, флот* — из голландского; *казна, нефть, тюрьма* — из тюркских языков; *тайфун, фэн-шуй, чай* — из китайского; а *бейдж, ваучер, менеджер* — из английского.

Во времена Петра I именно деловая речь в первую очередь пополнилась иноязычными словами. Четверть из них — латинского и немецкого, отчасти французского происхождения — относилась к административной сфере: *губернатор, инспектор, министр* и др. Известно, что из 3000 слов, вошедших тогда в обиход, английских было не более 5%. Через 100 лет западники ратовали за реформу делового и дипломатического языка тоже не по английским, а по французским образцам, и Н. М. Карамзин «прославлял И. И. Дмитриева за то, что тот и приказный слог реформировал по принципам салонного стиля» [2, с. 75, 204]. Английский язык стал основным источником заимствований лишь в конце XX — начале XXI вв. Утверждение, что «в последнее время “языковая мода” повернулась на Восток» и произошло «усиление влияния китайского языка на русскую лексику» [20, с. 59, 64], представляется преждевременным: несмотря на расширение традиционных связей, многие китайские слова пока остаются для россиян экзотизмами (*гохуа, димсам, лаобань, тухао* и др.).

Мнение, будто англицизмы не затронули официально-делового стиля [5], тоже требует корректировки, так как с конца XX в. немало английских слов влилось в терминологию русской деловой (служебной) коммуникации. Юридическая речь пополнилась словами *импичмент, имплементация, копирайт, омбудсмен* и др.; в дипломатическом и политическом языке были актуализированы слова *брифинг, лобби, рейтинг, саммит, экзитпол* и др.; в административно-канцелярский язык вошли *апгрейд, брейнсторминг, ваучер, девелопмент, дедлайн, дигитализация, инсайдер, кейс-метод, кластер, кондоминиум, мониторинг, онлайн, оргайзер, рекрутинг, тайм-менеджмент, эргономика* и др. Некоторые англицизмы закрепились, несмотря на наличие русских и ранее заимствованных аналогов: *грант* (пособие, ссуда); *кластер* (область, сфера); *менеджер* (управляющий, администратор); *рейтинг* (оценка); *спонсор* (благотворитель, меценат) и др. При этом «парадоксальное взаимодействие» терминологии и стихии разговорной речи стало «спецификой нашего современного языкового сознания» [22, с. 136], что объясняется как высокой информированностью населения, «подключенного» к разным СМИ, так и традиционной широтой интересов наших людей.

В результате расширения в эпоху перестройки международных связей отечественная государственная и муниципальная служба не избежала влияния мировых тенденций, в том числе срастания с бизнесом и политикой, демократизации деловых коммуникаций, что не могло не сказаться на деловом (служебном) языке, на снижении требований к составу употребляемой лексики, к языковым нормам. Неудивительно, что в «Словаре русского языка XXI века» под ред. Г. Н. Скляревской (2019–...) был «частично опровергнут общепринятый тезис о стабильности, относительной замкнутости и консервативности официального языка» [25]. Однако вывод другого лингвиста, будто речь чиновников участвует в «насаждении ксенофилии», разрушает «исконные основы, исконность русского языка и русской жизни, культуры в целом» [8, с. 276] представляется преувеличением. **Деловая речь, даже и официальная, — слишком широкое понятие**, и попытки дать ей однозначную характеристику оставляют за скобками структуры высокой политической, социальной, нравственной значимости и речевой ответственности, к каковым относится государственная и муниципальная служба, где речевое поведение корректируется не только Законом о государственном языке, но также Законом о госу-

дарственной службе, Указом Президента об основных принципах служебного поведения и др., и потому в сравнении, например, с политическим дискурсом, оно и сегодня остается более консервативным и сдержанным в использовании языковых средств.

И если автор научного текста, как правило, не стремится быть понятным любому читателю, то для составителя официально-делового текста, предназначенного не только для внутренних и межведомственных коммуникаций, но и для разных слоев населения, соблюдение **принципов определенности, точности и понятности** — важнейшая задача и нередко серьезная проблема. Ученые Санкт-Петербургского университета по поручению Правительства России изучили более 36,5 тыс. нормативно-правовых актов, изданных в 2014 г. в девяти субъектах Северо-Западного федерального округа (исключая Петербург и Ленинградскую область), и выявили в них свыше 11 тыс. нарушений законодательства о русском языке, позволяющих признать документы недействительными. Исследование показало, что их смысл понимают лишь 5% населения [11].

Требование определенности, точности и понятности распространяется на любые жанры официальной коммуникации. В рекламе «*Московский стандарт бесплатной диспансеризации (check-up)*» англицизм употреблен не вполне корректно, так как в российской практике он обозначает не обычную бесплатную диспансеризацию, а углубленное экспресс-обследование. В таблице «Самооценка факторов, влияющих на выполнение работы» факторы сами себя оценивают, а *валютная ассоциация* еще и имеет двоякий смысл. Двусмысленность формулировки «От каких факторов может зависеть Ваша удовлетворенность качеством предоставления муниципальной услуги?» дает повод для юмористических ответов со стороны участников референтных групп. В другом случае пропуск нужных слов полностью искажает смысл: «*Бесплатная кастрация и стерилизация для малоимущих слоев населения*».

За последние десятилетия в русский деловой язык вошло немало новых слов, не имеющих аналогов в русском языке. Вместе с тем **однословные** иноязычные синонимы стали активнее теснить **многословные** аналоги (ср.: франчайзинг — договор, дающий мелкой фирме право использовать марку крупной фирмы). В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» указано, что «используемое ЕСПЧ понятие диффамации тождественно понятию *распространение не соответствующих действительности порочащих сведений*». Со временем здесь вполне возможна замена.

Не всегда целесообразно отказываться, объясняя это наличием русских аналогов, и от терминов, получивших **интернациональный статус**. Так, Гражданский кодекс (ГК РФ) не рекомендует в юридических текстах использовать иностранный глагол *продолговать*, и только *продлить* используется в статьях самого ГК (см. ст. 17.1, 425, 621). Но в разных языках употребляются оба варианта — и национальный, и заимствованный: *verlangern* и *prolongieren einen Vertrag* (нем.); *renouveler* и *prolonger le contrat* (фр.); *to extend a contract* и *prolong a treaty* (англ.); *renovar*, *prorrogar* и *prolonger contrato* (исп.). В ГК РФ отдается предпочтение также понятию *исключительное право* (см. ст. 1317, 1491) перед *эксклюзивным*, закрепившимся не у всех народов (*kizárolágos jog* — венг., *uksinoikeus* — фин., *özel hak* — тур.), но в ряде языков уже не имеющим вариантов: *exclusive right* (англ.), *exklusivrecht* (нем.), *droit exclusive* (фр.), *derecho exclusive* (исп.), *diritto esclusivo* (итал.). При этом в тех же языках в сочетании с другими словами *исключительный* переводится иначе: *exceptional* (англ., исп.), *ausergewöhnlich* (нем.), *exceptionnel* (фр.), *eccezionale* (итал.). Заимствование слов, принятых многими языками, способствует **интернационализации**, а значит, развитию национального языка, и потому, даже когда во внутреннем делопро-

изводстве закон предпочитает исконные понятия, было бы нерационально изгонять иноязычные из употребления в официальной коммуникации.

При использовании русского языка как государственного важен не только выбор, но и **способ представления** иноязычного слова. Например, в заглавии «*Электронный социальный регистр населения*» не очень употребительное в других сферах, кроме музыкальной, слово было бы лучше заменить более известным: *реестр, список, учет*. В объявлении «*Реестр официальных аккаунтов Администрации*» многозначное слово *аккаунт* тоже следовало бы заменить более популярным *сайт*. В другом объявлении слово *краудсорсинг* целесообразно поместить в скобках после русского аналога: *проект с использованием добровольных людских ресурсов (краудсорсинг)*. Очевидно, что для адекватной обратной связи с населением органы власти должны учитывать разницу в скорости освоения новых слов различными слоями и какое-то время употреблять такую лексику с корректными пояснениями, например: *Действия власти должны быть транспарентными, прозрачными для населения*.

Сегодня уже не может быть однозначно отрицательным и отношение к иноязычным **дублетам** русских аналогов. Если в официальных текстах, особенно юридических, тавтология не считается недостатком, отвечая принципу точности, то в устной речи она воспринимается как показатель бедности лексического запаса, и здесь помогли бы правильно использованные иноязычные синонимы. Поэтому думается, что отмечаемое лингвистами «стремление современников к множественному обозначению одного и того же денотата» [14] обогащает язык дополнительными возможностями выбора и способствует **интеллектуализации** речи.

Однако в той же степени, в какой наличие русских аналогов не может во всех случаях быть доводом против употребления заимствованных единиц, так и популярность иноязычного синонима в русской речи не должна оборачиваться обязательным отказом от исконного слова. Например, слово *добровольцы* к 2014 г. было практически вытеснено иноязычным *волонтеры*, но известный лингвист справедливо указывал на необходимость сохранения и русского слова [21, с. 95]. Последующие события сделали оба слова одинаково востребованными, а смысловые различия между ними общечеловеческими.

К сожалению, в законе о языке нет четкого **разделения требований к устному и письменному официальному языку**, тогда как даже в официальном варианте письменная и устная речь — это «два различных, во многом противоположных поля мыслительной деятельности человека» [9]. Многие заимствованные слова распространились именно в устной речи, практически не потеснив обозначений, принятых в официальных текстах: *прайс-лист* (прейскурант), *фрилансер* (самозанятый), *харассмент* (домогательство) и др. Англицизм *драйвер* (водитель, машинист, шофер, пилот) прижился на русской почве лишь в качестве синонима к словам *двигатель, ускоритель* в языке информатики и в словосочетаниях типа *драйвер эко-номики*. Для адекватного применения иноязычных слов при использовании русского языка как государственного **важно понимать, почему** в одних случаях следует применить русское слово, в других — иноязычный синоним, а в третьих — разграничить их письменное и устное употребление.

Кроме проблем, вызываемых недостаточно полными формулировками закона о языке, есть и другие **объективные трудности** употребления заимствованных слов в сфере государственной и муниципальной службы. Нередко причиной их смысловой трансформации становится влияние интерференции, смысловой или звуковой ассоциации, языковой аналогии, в результате иноязычное слово может «совсем неузнанным возвратиться обратно» [16, с. 199]. Так, согласно словарям, *брутальный* значит *грубый, жестокий, тупой*, но в русской речи это слово приобрело иной смысл — *мужественный, спортивный*, возможно, под влиянием наивной

этимологии, ассоциирующей его с атлетической внешностью древних греков и римлян. Слово *ретроград* порой соотносится с английским языком (*старый город*), хотя надо с латинским: *retro* «назад» + *gradus* «шаг», что в переносном смысле означает человека отсталых взглядов. Популярный в служебной речи глагол *будировать* используется в значении *обсуждать*, вероятно, по звуковой ассоциации со словами *будить*, *возбуждать*, подобно тому, как в XVII–XVIII вв. вместо нового слова *аудиенция* некоторые чиновники писали в документах *уединения* [15, с. 25]. На самом деле *bouder* (фр.) значит «дуться, проявлять плохое настроение». Другой употребительный в служебной речи глагол — *апробировать* означает утверждение чего-либо после анализа, но применяется в урезанном смысле *опробовать*, возможно, тоже из-за звуковой ассоциации. Слово *корреляция* ошибочно используется по аналогии с единицами похожего, но не своего ряда (*коррективы*, *коррекция*, *коррекура*, *корректировка*), так как в переводе с латинского *correctio* — это исправление, а *correlatio* — соотношение (ср.: *Очевидна корреляция между безработицей и преступностью*).

Объективной причиной ошибок нередко становится **диффузность**, т. е. нечеткость, размытость, «совместимость отдельных лексических значений, когда их разграничение не осуществляется (и не представляется необходимым)» [27, с. 382]. Немало единиц с таким смыслом, в частности, среди многозначных слов, в том числе иноязычных. Так, англицизм *спикер* (оратор, лектор, докладчик, диктор, чтец, громкоговоритель, рупор, председатель нижней палаты парламента) на русской почве редко используется как синоним докладчика, в основном — в последнем значении, а также в значении *ведущего* мероприятия, пересекаясь здесь со словом *модератор* (от лат. «удерживающий в повиновении»). Применение этих слов лучше разграничить, так как каждый спикер — еще и модератор, но не каждый модератор — спикер.

Освоение иноязычных синонимов порой объективно осложняется их избыточностью, **чрезмерной детализацией**, при которой в смыслах легче запутаться, чем разобраться и запомнить. Если разница между *организацией*, *учреждением*, *предприятием*, *фирмой*, *компанией* состоит в некоммерческом характере одних и коммерческом других, то различия между зарубежными монополиями не столь очевидны: *корпорация* — акционерное общество, управляемое менеджерами; *картель* — объединение предприятий отрасли для господства на рынке (*картельный сговор*); *концерн* — объединение предприятий, подчиненных господствующей группе; *синдикат* — объединение предприятий, сохраняющих производственную и юридическую самостоятельность, но находящихся под коммерческим управлением господствующей группы; *трест* — объединение предприятий с потерей самостоятельности и подчинением единому управлению и др. Отсутствие в России структур с такими названиями не означает, что управленческий корпус не должен в них разбираться.

Пример чрезмерного дробления смысла — синонимы к русскому слову *посредник*: *коммивояжер* и *комиссионер* (фр.), *компрадор* (исп.), *агент*, *маклер* и *прокурист* (нем.), *дилер*, *брокер*, *риелтор*, *дистрибьютор*, *промоутер*, *байер*, *трейдер*, *хеджер*, *джоббер* (англ.). И хотя справедливо считается, что они «не вполне дублетны» [12, с. 264] и что для разных речевых ситуаций количество дробных обозначений «должно быть достаточно велико» [14, с. 73, 134–135], в данном случае русский язык не обеднеет, если откажется от половины этих слов, не прижившихся и в других языках. Байер, джоббер, трейдер, хеджер по-испански *comprador*, *intermediario*, *comerciante*, *coberturista*; по-венгерски — *vevő*, *melós*, *kereskedo*, *fedező*; первые три слова по-итальянски — *acquirente*, *lavoratore*, *commerciante*; по-турецки — *alıcı*, *iş veren*, *tüccar*; трейдер и джоббер по-немецки — *Händler* и *Hecke*; байер по-французски — *acheteur* и т. д. Очевидно, что указанные англи-

цизмы интернациональными не стали и их использование у нас даже в специальном языке остается редким. В Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) с 2003 по 2022 г. зафиксировано лишь 34 документа с 49 примерами употребления слова *трейдер*, 25 — с 32 примерами слова *байер*, один с тремя примерами слова *хеджер* и ни одного примера со словом *джоббер*¹. Этим обозначениям вряд ли удастся закрепиться на русской почве даже в устной речи; текстам же, в которых русский язык используется как государственный, в полной мере отвечает исконное слово *посредник*, являющееся гиперонимом по отношению к приведенным видовым названиям.

Немалую трудность представляет выбор нужного слова из **паронимов**, близких по написанию, но различающихся по смыслу. Даже русские паронимы нередко становятся камнем преткновения в речи: *усвоить* правила служебного поведения, но *освоить* технологию; *закончить/окончить* работу, но *окончить* учебное заведение и т. д. Недаром паронимия считается классическим источником лексических ошибок. Например, не всегда различаются *документы* (удостоверения личности, факта или права) и *документация* (совокупность деловых бумаг); не всегда правильно подбирается сочетаемое слово, которое у каждого из паронимов свое: *криминогенный* район, *криминальный* бизнес; *эпидемическая* вспышка, *эпидемиологическая* служба; *гуманный* поступок, *гуманитарная* помощь, *гуманистическая* мораль; *экономичная* технология (выгодная), *экономное* расходование средств (бережное), *экономический* потенциал (относящийся к экономике).

Особого внимания требуют популярные в деловом дискурсе пары: *вариант* — *инвариант*, *новация* — *инновация*, *презентация* — *репрезентация*. Инвариант — это то, что при любых переменах остается неизменным. Ср.: *Инвариант — компонент образования, который остается неизменным независимо от условий функционирования педагогической системы*. Но, возможно, по ассоциации со словом *иной* инвариант порой ошибочно употребляется в значении другого варианта: *Удовлетворенность бедностью — инвариант удовлетворения материальной беспроблемностью*. Отличие *репрезентации* от *презентации* не так очевидно. В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова оба слова означают показ, представление, предъявление. Сегодня *репрезентация* толкуется как представление одного посредством другого, что не всегда бесспорно реализуется в тексте. Ср. примеры из НКРЯ: *Им было предоставлено одно из центральных мест города: тут тебе и социализм, и репрезентация*; *У него плохо развита репрезентация вкуса*; *Репрезентация иерархии аспектов педагогического взаимодействия*. Во всех примерах это слово только затуманивает смыслы. Слова *новация* и *инновация* практически не различаются ни в словарях, ни в речи, обозначая новшество. В «Тезаурусе русской деловой лексики» *инновация* — это нововведение; в словаре Л. П. Крысина *новация* — новое, новшество и *инновация* — нововведение, новшество. То же в речи: *Инновация, вырастающая из традиций, открывает новые перспективы в образовании*; *Инновация блокчейна позволяет формировать безопасные транзакции*. Поиски смысловых оттенков здесь явно искусственны — очевидно вытеснение старшего заимствования младшим.

Кроме объективных трудностей освоения и употребления заимствованной лексики существуют и **субъективные причины** речевых ошибок, к которым, в частности, относится отсутствие привычки уточнять толкование, написание, произношение и ударение слов по авторитетным словарям. Неизжитыми в управленческой речи остаются ударения типа *искра́*, *средствá*, *феномéн* [9]; в некоторых текстах до сих пор вместо *офшор* встречаются устаревшие формы *оффшор* и *офф-шор*;

¹ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/searchno> (дата обращения: 20.07.2024).

не является редким и нарушение нормативного управления: *апеллировать* (к чему?) к закону; *оперировать* (чем?) фактами; *идентичный* (чему?) перечню.

К субъективным факторам речевых погрешностей относится и некритическое отношение к модным веяниям, не позволяющее заметить, что порой англицизмы не только не имеют преимуществ перед русскими аналогами, но сообщают русской речи **оттенок вычурности и претенциозности**, как например лексема *апгрейд*, означающая модернизацию здания, усовершенствование машин и оборудования, обновление программного обеспечения. Ср.: *Прошу произвести апгрейд здания под новые нужды*. Здесь уместнее был бы выбор из слов *модернизация, реновация, обновление*. Протivoестественно выглядит в русском тексте и англицизм *дедлайн*: «В случае нарушения дедлайна необходимо немедленно предупредить заказчика». То, что это — окончательный срок, ничего не меняет, так как любой срок в принципе что-то завершает. Лексема *прайд* (гордость, достоинство) в сочетании *прайд-парад* — это парад гордости ЛГБТ в США. В русском управленческом дискурсе *прайд* восходит к термину зоологии, обозначающему семейную стаю львов, и употребляется в качестве дополнения к синонимическому ряду *группа, семья, слой, сообщество, страта*. Очевидно, что *апгрейд, дедлайн* и применительно к людям *прайд* не отвечают потребностям русского языка и воспринимаются в русской речи, как «кость в горле».

Нередко стремлением без необходимости включать в речь иностранные слова движет **ложное представление**, будто они придают русским смыслам особую значимость. И вот уже чиновник высокого ранга вместо «отношения между властью и обществом» говорит «кластер отношений», а директор гостиничной ассоциации пишет: «Состояние *harry* — это наша конечная цель». Многие узкие специалисты теперь почему-то стали *менеджерами*: *аккаунт-менеджер, бренд-менеджер, ивент-менеджер, интерим-менеджер, комьюнити-менеджер, контент-менеджер, лейбл-менеджер, локейшен-менеджер, офис-менеджер, тайм-менеджер, топ-менеджер, трафик-менеджер, тренинг-менеджер, IT-менеджер, PR-менеджер, GR-менеджер* и т.д. Здесь слов, обозначающих тех, кто кем-то и чем-то управляет, ничтожно мало, но и они не вызваны потребностями русского языка, в котором для одних только управленцев есть достаточно названий: *руководитель, начальник, заведующий, глава, главный врач, управляющий, директор, ректор, председатель, президент...* Что касается всякого рода *ивент, интерим, локейшен* и т.п., то эти слова со всех точек зрения излишние.

Особенно нелепо выглядят иноязычные слова в **роли ширмы** для ничтожного информационного повода. Над иными заголовками в «деловых» журналах бесполезно ломать голову, напр.: *Диссонанс экологичности в коммуникативном круге*. В. Г. Белинский, отвергавший пуризм в отношении к заимствованиям как «односторонность, доведенную до последней крайности», в то же время считал, что «охота пестрить русскую речь иностранными словами без нужды, без достаточного основания противно здравому смыслу и здравому вкусу» [1, с. 521]. Петр I, далекий от какого-либо пуризма, был вынужден «притормаживать» любителей **злоупотреблять** иноязычными словами: «В реляциях твоих, — писал он дипломату Рудаковскому, — употребляешь ты зело много польские и другие иностранные слова и термины, которыми самого дела выразуметь невозможно; того ради впредь тебе реляции свои к нам писать все российским языком, не употребляя иностранных слов и терминов» [15].

Злоупотребление заимствованиями может создавать **коммуникативные барьеры и риски**. Например: «*Это не первая коллаборация для нас*», т. е. не первый совместный проект, но слово может быть истолковано и по аналогии с известным — коллаборационизм. Часто из опасения показаться некомпетентными участники общения не уточняют значение нового слова. В подобных случаях лучше не спешить

с ответом, чтобы не получилось, как в диалоге, приведенном в книге Ф. И. Шалапина «Моя жизнь»: «Послушай, есть у вас *кло де вужо*?» — спрашивает гость у трактирного работника, и «находчивый ярославец бойко и любезно отвечает: „Помилуйте, как же-с? По коридору, вторая дверь налево!“».

Злоупотребления и ошибки при употреблении иноязычной лексики могут отрицательно сказаться не только на речевой коммуникации, вызывая непонимание или отторжение, но и **на речевом имидже** собеседника, так как нередко производят нелепое или комическое впечатление. Слуга из повести А. С. Пушкина «Дубровский» не мог «*дормир* в потемках»; «идейный милиционер» из повести Артема Веселого «Россия, кровью умытая» хотел, чтобы начальство сделало «чего-нибудь *циркулирующее*»; сельская старушка из рассказа В. М. Шукшина «На кладбище» жаловалась на невестку: «*Прокламации!* Только подолом трясти умеют»... Конечно, все они, как и дед Шукарь из повести М. А. Шолохова «Поднятая целина», «университетов не кончали». Но ведь порой и сегодня не только в речи студентов *аутодафе* превращается в паспорт, а *харизма* в змею, ползущую мимо АЭС; иные образованные служащие путают *брифинг* с *пресс-конференцией*, *лабильное* с *мобильным*, *ксенофобию* с *клаустрофобией*, а немецкий жаргонизм *гешэфт* (сделка в обход закона) употребляют в значении *подарка*. Один чиновник в устном отчете заявил, что «все работают в *компитации*». Что он имел в виду, остается гадать. Другой вылезал произнести *эпитафию* в честь юбиляра, но его стихотворный комплимент называется *мадригалом*, а *эпитафия* — это надгробная надпись или стихотворение по поводу чьей-либо кончины.

В стремлении «блеснуть» иностранными словами некоторые современники порой «переиначивают» их по своему усмотрению. В удачных случаях создание производных единиц расширяет национальный лексикон, но **сомнительные окказионализмы** (*отбор кастингующихся, миксовать реальность*) не украшают речь и могут вызвать ироническую реакцию, как в случае с одним премьер-министром, который заявил: «Меня *кандидировал* Борис Николаевич, он и решит, как меня *раскандидировать*» [4, с. 160]. Оставляет впечатление неуместного «кокетства» использование усеченных слов молодежного жаргона. Ср.: *Нам удалось вытащить из игнора диалог по этому вопросу* (одно из толкований — обида); *Необходимо вести постоянную борьбу с дезой*. Как здесь не вспомнить пародию на языкотворчество эгофутуриста Игоря Северянина: «*Зима! Пейзанин, экстазуя, ренувелирует шоссе!*» Верно замечено: «**коварство занимаемой высокой должности** заключается и в том, что вряд ли кто-то из коллег, тем более многочисленных подчиненных, попытается <...> поправить речь руководителя» [6, с. 211]. Отсюда известное правило для всех, независимо от возраста и положения: учиться, учиться и еще раз учиться.

Как известно, В. И. Даль «не любил» в русской речи иностранных слов и предлагал им замену: вместо *адреса насылку*, вместо *пьедестала стояло* и т. п. А. Н. Толстой был прав, утверждая в статье «Чистота русского языка», что «лучше говорить *лифт*, чем *самоподымальщик*, *телефон*, чем *дальнеразговорня*, *пролетарии*, чем *голодранцы*, но там, где можно найти коренное русское слово, — нужно его находить» [24]. Поэтому и в наше время актуальна мысль А. С. Пушкина о том, что «истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности» [17, с. 38]. Вопрос об **уместном и грамотном употреблении** заимствованной лексики особенно важен для сфер использования русского языка как государственного.

В некоторых случаях при незнании прозвучавшего иностранного слова могут помочь правильно отреагировать известные **приемы распознавания смыслов**. Это прежде всего — внимание к контексту, например: *Это не наша прерогатива. Обратитесь в Конституционный суд*. Легко понять смысл слова также по синониму, употребленному собеседником, а значение антонима — по известному компонен-

ту пары, например: *антагонист* реформы — ее противник, а *протагонист* — сторонник; *эксклюзивное право* — исключительное, а *инклюзивное образование* — это совместное обучение разных детей, в том числе с ограниченными возможностями.

Кроме того, в русском языке есть огромный пласт иноязычных слов, смысл которых можно определить по знакомым корням и известному значению латинских приставок. Так, *суб-* означает нахождение под чем-либо (*субмарина*), около чего-либо (*суборбитальный*), подчиненность (*субординация*), вторичность (*субаренда*). Приставка *а-* означает отрицание (*асимметричный ответ*). Близкое значение у *дис-* (*дисквалификация*) и *де-* (*демобилизация*). Приставка *де-* указывает на понижение уровня (*девальвация* валюты), а *ре-* на восстановление (*ревальвация* курса), возобновление (*реставрация*), обратное действие (*реэкспорт*). У приставки *экс-* несколько значений: бывший, вне (*экстерриториальность*), из (*эксгумация* — извлечение из земли, а не повторное вскрытие), от (*экспроприация*). Поэтому *экстенсивные* методы хозяйствования направлены на выход из границ и количественный рост, а *интенсивные* — на внутреннюю работу и качественные улучшения. Некоторые приставки требуют особого внимания к контексту. Так, *ин-* (*им-*, *ир-*) могут означать не только *в*, *внутрь*, но и отрицание: *иноперабельный* — то же, что и *неоперабельный*; *ирреальный* мир — несуществующий; *иррегулярные* войска — непостоянные; *иммобилизация* — обездвиживание части тела при переломе. Приставка *квази-*, ошибочно употребляемая в значении *очень*, означает настоящее (*квазиденьги*), мнимое (*квазидемократия*), временное (*квазирента*)...

Анализ особенностей, трудностей и типичных ошибок освоения и употребления иноязычных слов в устной и письменной речи в сфере государственной и муниципальной службы, а также специальной литературы, посвященной заимствованной лексике, позволяет сделать следующие **выводы**.

В отношении к лексическим заимствованиям в отечественном лингвистическом сообществе существуют две крайности. Одни авторы пугают, что «засилье американизмов» — сигнал того, что «Россия теряет (если уже не потеряла) свое лицо, превращаясь в полуколонию (с перспективой стать колонией)» [8, с. 278]. Но еще Л. В. Щерба заметил, что, избавившись «от бессмысленной иностранщины» и «воспользовавшись всем багажом Запада, мы остались тем не менее самими собой» [27]. Думается, нет оснований опасаться, что теперь будет иначе. Другие авторы успокаивают современников ссылками на способность языка к самоочищению. Действительно, немало иноязычных слов исчезло из русской речи вместе с ушедшими в прошлое предметами и явлениями. Меняются эпохи, меняется и язык. Ушла в небытие «французомания», уйдет и уже уходит «американомания». Сколько слов останется от последней волны заимствований, зависит от потребностей языка как «одежды» национальной жизни и культуры. В любую эпоху эта «одежда» должна отвечать запросам времени, не отгораживаясь от мира, но ни в какое время ей не пристала чрезмерность «кричащей моды».

Однако язык не сам себя развивает: «Язык, речь — это не только абстрактная система, которая владеет человеком, но это и <...> личность, которая владеет языком» [7], а это значит, что «русский язык, как и любой другой, нуждается в защите его чистоты» [23]. Известно, что во Франции периодически переиздается «Официальный словарь неологизмов», содержащий более 2500 слов, не рекомендуемых к употреблению. Активизировавшаяся в России в начале XXI в. многоаспектная работа по сохранению и умножению богатств национального языка, повышению культуры русской речи не должна прекращаться и сегодня.

Появление Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации» в редакции 2023 г. говорит о неослабевающем интересе общества и власти к проблемам русского языка. Хотелось бы надеяться, что положение об употреблении заимствованной лексики при *отсутствии* русских аналогов в следующей

редакции закона будет дополнено указанием на допустимость при *наличии* аналогов использовать в официальных текстах — в необходимых случаях с пояснениями — иноязычные слова, имеющие интернациональный статус или преимущество однословного выражения смысла перед многословным. Не было бы лишним также четкое разграничение требований к употреблению заимствованных слов в письменной и устной официальной речи.

Ограничения, налагаемые законом на использование иноязычных слов, не означают, будто теперь не обязательно понимать значение новых слов и то, как они «соотносятся с близкими по смыслу русскими словами» [12, с. 271]: даже те, кто старается избегать употребления заимствованных слов, не должны пренебрегать расширением лексического запаса, чтобы понимать других и самим при необходимости правильно использовать новые слова. Это — вопрос общей культуры современного государственного и муниципального служащего, руководителя любого уровня.

Высокий уровень речевой культуры — это, несомненно, «личностный капитал» каждого человека. «Следите за своей речью — от нее зависит ваше будущее», — напутствовал молодых Шекспир. «Умение пользоваться языком, — пишет наш современник, — должно стать обязательным критерием отбора людей на ответственные посты, потому что от человека, занимающего тот или иной пост, от его речи зависит не только имидж этого человека, его успех, но и имидж занимаемого им поста, жизнь предприятия, людей, работающих в нем, а в конечном итоге — страны» [21, с. 108]. Немаловажно также то, что правильность, точность, ясность и понятность устной и письменной речи государственного и муниципального служащего являются необходимым условием для получения адекватной обратной связи власти с населением.

Литература

1. Белинский В. Г. Собрание сочинений в 3 т. Т. III. Статьи и рецензии 1843–1848. М. : ОГИЗ, ГИХЛ, 1948.
2. Виноградов В. В. Язык Пушкина. М. ; Л. : Academia, 1935. 457 с.
3. Гарник А. В. Греческие лексические заимствования в латинском языке. Минск : БГУ, 2015.
4. Душенко К. В. (сост.). Зернистые мысли наших политиков. М. : ЭКСМО, 2003. 317 с.
5. Дьяков А. И. Прагматические функции англицизмов в русском дискурсе // Евразийский союз ученых. Филологические науки. 2014. № 9. С. 16–21.
6. Журавлев С. А. Рефлексивный и рефлексивный типы производства деловой речи // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. Вып. 6 : материалы VI Конгресса РОПРЯЛ (г. Уфа, 11–14 октября 2018 г.). С. 210–215.
7. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М. : LKI, 2007.
8. Климова Л. А. Заимствование vs национальная идентичность // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное : сб. науч. ст. / отв. ред. Л. В. Рацибурская. М. : ФЛИНТА, 2021. 940 с.
9. Колесов В. В. Жизнь происходит от слова. Изд-е 6-е, стереот. СПб. : Златоуст, 1999. 220 с.
10. Костомаров В. Г. Язык текущего момента: понятие правильности. СПб. : Златоуст, 2015.
11. Кропачев Н. М. Интервью ректора. 23 мая 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://spbu.ru/news-events/intervyu-rektora/v-rossii-vsego-5-naseleniya-ponimaet-smysl-normativnyh-aktov> (дата обращения 17.02.2020).
12. Крысин Л. А. Статьи о русском языке и русских языковедах. М. : Флинта; Наука, 2015. 576 с.
13. Кушнерук С. П. Федеральный закон России о государственном языке как объект документно-лингвистического анализа // Научный диалог. Сер. Филология. 2012. № 12. С. 111–123.
14. Маринова Е. В. Освоение новых заимствований и сопутствующие процессы в русском языке начала XXI в. // Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика: коллективная монография. Н.-Новгород: изд-во Нижегородского ун-та, 2014. С. 65–150.

15. Мещерский Н. А. История русского литературного языка. Л. : Изд-во ЛГУ, 1981. 280 с.
16. Откупщиков Ю. В. К истокам слова. М. : Азбука-классика, 2008. 349 с.
17. Пушкин А. С. Собр. соч. в 10 т. Т. 7. Исторические статьи и материалы. М. : Книговек, 2014. Т. 7. 460 с.
18. Руднев Д. В., Садова Т. С. Деловой язык как основа государственной коммуникации: проблема нормообразования // Политическая лингвистика. 2018. № 1. С. 191–201.
19. Семенова Г. П. Освоение заимствованной лексики: проблемы русского ударения // Известия РГПУ им. А. И. Герцена, 2024. № 211. С. 289–303.
20. Сенько Е. В. Китайские слова в современном русском языке: семантический аспект // Филологический класс. 2019. № 3 (57). С. 59–64.
21. Сиротинина О. Б. Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски. Саратов : Изд-во Саратовского университета. 2013. 116 с.
22. Складневская Г. Н. Словарь русского языка XXI века : проект словаря // Journal of Applied Linguistics and Lexicography. 2019. Vol. 1. N 1. С. 1.
23. Солганик Г. Я. Современная языковая ситуация и тенденции развития русского литературного языка // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2010. № 5. С. 122–134.
24. Толстой А. Н. Собрание соч. в 10 т. Т. 10. Публицистика. 1958. 512 с.
25. Фивейская Е. А. Официальный язык: исконное и заимствованное // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное : сб. науч. ст. / отв. ред. Л. В. Рацибурская. М. : ФЛИНТА, 2021. 940 с.
26. Шмелев Д. Н. Избранные труды по русскому языку. М. : Языки слав. культуры, 2002. 887 с.
27. Щерба Л. В. Современный русский литературный язык // Л. В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. М. : Учпедгиз, 1957. С. 113–129.

Об авторе:

Семенова Галина Петровна, доцент Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат филологических наук; spb.gsem@mail.ru

References

1. Belinsky V. G. Collected works in 3 vol. Vol. III. Articles and reviews 1843–1848. Moscow : OGIZ, GHL, 1948.
2. Vinogradov V. V. Pushkin's language. Moscow, Leningrad : Academia, 1935. 457 p.
3. Garnik A. V. Greek lexical borrowings in Latin. Minsk : BSU, 2015. 56 p.
4. Dushenko K. V. (compiled). The grainy thoughts of our politicians. Moscow : EKSMO, 2003. 317 p.
5. Dyakov A. I. Pragmatic functions of Anglicisms in Russian discourse // Eurasian Union of Scientists. Philological sciences [Yevraziyskiy Soyuz Uchenykh. Filologicheskiye nauki]. 2014. N 9. P. 16–21.
6. Zhuravlev S. A. Reflective and reflexive types of production of business speech // Dynamics of linguistic and cultural processes in modern Russia [Dinamika yazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoy Rossii]. Vol. 6. Materials of the VI Congress of ROPRYAL (Ufa, October 11–14, 2018). P. 210–215.
7. Karaulov Yu. N. Russian language and linguistic personality. M. : LKI , 2007. P. 264.
8. Klimkova L. A. Borrowing vs national identity // Active processes in modern Russian language: national and international: collection scientific Art. [Aktivnyye protsessy v sovremennoy ruskom yazyke: natsional'noye i internatsional'noye] / ed. L. V. Ratsiburskaya. M. : FLINTA, 2021, 940 p.
9. Kolesov V. V. Life comes from the word. Saint Petersburg : Zlatoust, 1999. 361 p.
10. Kostomarov V. G. The language of the current moment: the concept of correctness. Saint Petersburg : Zlatoust, 2015. 220 p.
11. Kropachev N. M. Interview with the rector. May 23, 2016 [Electronic resource]. URL: <https://spbu.ru/news-events/intervyu-rektora/v-rossii-vsego-5-naseleniya-ponimaet-smysl-normativnyh-aktov> (accessed: 17.02.2020).
12. Krysin L. A. Articles about the Russian language and Russian linguists. M. : Flinta; Science, 2015. 576 p.
13. Kushneruk S. P. Federal Law of Russia on the State Language as an Object of Documentary and Linguistic Analysis // Scientific Dialogue. Ser. Philology [Nauchnyy dialog. Ser. Filologiya]. 2012. N 12. P. 111–123.

14. Marinova E. V. Mastering new borrowings and accompanying processes in the Russian language at the beginning of the 21st century // Russian language of the early 21st century: vocabulary, word formation, grammar [Russkiy yazyk nachala XXI veka: leksika, slovoobrazovaniye, grammatika]. Collective monograph. N. Novgorod : Nizhny Novgorod University Publishing House, 2014. P. 65–150.
15. Meshchersky N. A. History of the Russian literary language. L. : Leningrad State University Publishing House, 1981. 280 p.
16. Otkupshchikov Yu. V. To the origins of the word. M. : ABC-classics, 2008. 349 p.
17. Pushkin A. S. Collected works in 10 vol. Vol. 7. M. : Knigovek, 2014. 460 p.
18. Rudnev D. V., Sadova T. S. Business language as the basis of state communication: the problem of norm formation // Political linguistics [Politicheskaya lingvistika]. 2018. N 1. P. 191–201.
19. Semenova G. P. Mastering borrowed vocabulary: problems of Russian accent // News of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen [Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena], 2024. N 211. P. 289–303.
20. Sen'ko E. V. Chinese words in modern Russian: semantic aspect // Philological class [Filologicheskiy klass]. 2019. N 3 (57). P. 59–64.
21. Sirotinina O. B. Russian language: system, usage and the risks they create. Saratov : ed. Saratov University, 2013. 116 p.
22. Sklyarevskaya G. N. Dictionary of the Russian language of the XXI century. Dictionary project // Journal of Applied Linguistics and Lexicography [Zhurnal prikladnoy lingvistiki i leksikografii], 2019. Vol. 1. N 1. P. 136–311.
23. Solganik G. Ya. Modern linguistic situation and trends in the development of the Russian literary language // Bulletin of Moscow. un-ta [Vestnik Mosk. un-ta]. Ser. 10. Journalistics. 2010. N 5. P. 122–134.
24. Tolstoy A. N. Collected works in 10 vol. Vol. 10. Journalistics. M. : GIHL 1986. 512 p.
25. Fiveyskaya E. A. Official language: original and borrowed // Active processes in modern Russian language: national and international [Aktivnyye protsessy v sovremennom russkom yazyke: natsional'noye i internatsional'noye] / ed. L. V. Ratsiburskaya. M. : FLINTA, 2021. 940 p.
26. Shmelev D. N. Selected works on the Russian language. M. : Languages of Slavs. culture, 2002. 887 p.
27. Shcherba L. V. Modern Russian literary language / L. V. Shcherba Selected works on the Russian language. M. : Uchpedgiz, 1957. P. 113–129.

About the author:

Galina P. Semenova, Associate Professor of North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation); Candidate of Philology; spb.gsem@mail.ru